А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник VI

А. В. ЯРОЦКИЙ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. Л. ШИЛЛИНГА КАК ВОСТОКОВЕДА ¹

Павел Львович Шиллинг известен главным образом как основоположник электромагнитной телеграфии и электроминной техники 2 .

Успехи Шиллинга в области техники были непосредственным образом связаны с его занятиями востоковедением. Вместе с тем в самом востоковедении он проявил себя и как инженер, использовав для воспроизведения литературных памятников восточной культуры новейшие достижения техники.

Однако именно из-за многогранного характера деятельности Шиллинга некоторые сведения о его работах в области

¹ А. В. Яроцкий, инженер по специальности, занимаясь изучением изобретений П. Л. Шиллинга по электромагнитной телеграфии, собрал весьма ценные и малоизвестные материалы о его деятельности как востоковеда. Не будучи специалистом-монголистом, А. В. Яроцкий в своей статье ограничился показом Шиллинга как собирателя востоковедных коллекций и как деятеля по составлению устава буддийского, духовенства в Забайкалье. Однако и этот материал составляет довольно интересную страницу из истории русского востоковедения. — Прим. ред.

² Эта сторона деятельности П. Л. Шиллинга освещена в следующих литературных источниках: И. Гамель, Исторический очерк электрических телеграфов, СПб., 1886; «Изобретатель электромагнитного телеграфа», СПб., 1886 (книга представляет собой отчет о торжественном васедании Русского технического общества, посвященном столетию со дня рождения П. Л. Шиллинга, со включением полного текста прочитанных докладов: Н. Е. Славинский, Биография П. Л. Шиллинга; О. Д. Хвольсон, Приоритет П. Л. Шиллинга в деле изобретения электромагнитного телеграфа; И. Н. Деревянкин, Описание устройства и демонстрация реставрированного аппарата П. Л. Шиллинга; Н. Г. Писаревский, Об успехах телеграфии со времен Шиллинга до наших дней); Д. С. Пашенцев, Россия — родина электрической телеграфии, — «Вопросы истории отечественной науки». Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки, 5—11 января 1949 г., стр. 196—227; А. В. Яроцкий, Павел Львович Шиллинг, М.—Л., 1953.

востоковедения исчезли из поля зрения востоковедов. Академик И. Х. Гамель, стремясь отстоять приоритет Шиллинга как основоположника электромагнитной телеграфии, на протяжении пяти лет (1856—1860) собирал документы с такой тшательностью, что в результате многие из них попали в архивные фонды отнюдь не востоковедческого характера ³. Возможно, это обстоятельство и было одной из существенных причин ограниченности сведений о востоковедческой деятельности Шиллинга, которые все же успели получить освешение в специальной литературе.

Характерно, что современники Шиллинга, не оценившие по достоинству его заслуги в области электротехники, придавали серьезное значение результатам его востоковедческой работы. В то время значение его работ над телеграфом понимали лишь немногие ученые. Академик К. М. Бэр в докладе общему собранию Петербургской Академии наук, посвященном важнейшим успехам науки за 1835 г., счел необходимым отметить также открытие «в С.-Петербурге средства из запертого покоя, сквозь самую стену, без помощи письмен или голоса, сообщать свои мысли в другие пространства того же дома или даже на гораздо большие расстояния» 4. Еще опрепеленнее по этому вопросу высказался сразу после смерти Шиллинга известный русский физик академик Б. С. Якоби, который писал, что «утрата нашего друга была бы совершенно невознаградимой, если бы, по счастью, его наследие не встретило поддержки в требованиях времени... имя Шиллинга не может быть забыто в истории изобретений, да оно и не будет забыто, ибо распространение телеграфа послужит памятником его неутомимой деятельности» 5. Б. С. Якоби отмечал, что «в посмертном его наследстве имеются интересные и богатые материалы, свидетельствующие о его гениальности»,

³ После смерти И. Х. Гамеля собранные им бумаги были переданы физико-математическому отделению Академии наук и ныне хранятся в Архизе АН СССР (ф. 85, оп. 3). Среди них, кроме документов, относящихся к работам по электротехнике, содержатся также бумаги о востоковедческой деятельности Шиллинга: введение к индексу Ганджура, написанное П. Л. Шиллингом (№ 24), переписка П. Л. Шиллинга с Абель-Ремюза, Ю. Клапротом, Х. Френом, И. Я. Шмидтом, А. Гумбольдтом и др. (№ 25, 33, 38, 40, 41, 49, 50, 53, 55, 62, 65, 69, 70; 72); перечень книг и других предметов в ящиках вывезенных из Сибири экспедицией Шиллинга, а также разные документы, относящиеся к этому периоду (№ 27), под-линники дипломов об избрании Шиллинга в число членов иностранных

востоковедных обществ и переписка по этому поводу (№ 2).

⁴ «Речь, читанная в бывшем 24 декабря 1835 года публичном заседании Академим наук академиком Бэром», — «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, № 5, стр. 230, 231.

⁵ Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, л. 6.



П. Л. Шиллинг

имея в виду все области деятельности Шиллинга, в том числе и востоковедение 6 .

Выдающиеся заслуги П. Л. Шиллинга, и как ученого и как инженера, ныне общепризнаны не только в нашей стране,

но и за границей.

Первые шаги в области востоковедения. Павел Львович Шиллинг родился в Ревеле (ныне Таллин) 5(16) апреля 1786 г. Однако детство до 11-летнего возраста он провел в Казани, где его отец командовал 23-м Низовским пехотным полком.

После смерти отца, в 1797 г., Шиллинг был принят в кадетский корпус, по окончании которого в 1802 г. получил назначение в Генеральный штаб, возглавлявшийся в то время образованным военным инженером П. К. Сухтеленым.

В 1803 г. Шиллинг оставил военную службу и поступил в Коллегию иностранных дел, после чего был направлен в распоряжение русского посла в Мюнхене, где начал граж-

данскую службу в чине губернского секретаря 7.

В последующее десятилетие, систематически посещая в Мюнхене так называемый «Мизеит» — постоянное место встречи ученых, Шиллинг сблизился с крупными представителями науки. Большое влияние на формирование его научных интересов оказали владевшие тогда умами просвещенных людей Александр и Вильгельм Гумбольдты, а также дружба с мюнхенским анатомом С. Земмерингом. Усиливавшийся в Европе интерес к истории, экономике, языку и культуре стран Востока, разумеется, находил отражение в беседах, участником которых в «Мизеит» бывал и Шиллинг.

В 1812 г. в результате обострения отношений России с наполеоновской Францией русское посольство было спешно

отозвано из Мюнхена на родину.

С началом Отечественной войны 1812 г. Шиллинг добился направления в действующую армию и за проявленный в боях героизм был награжден орденами и саблей «За храбрость».

Вместе с русскими войсками в 1814 г. Шиллинг вошел в Париж и там провел полгода, ожидая в связи с окончанием войны увольнения из действующей армии. За это время он успел сблизиться с некоторыми французскими учеными, особенно с Д. Араго и А. Ампером.

Наконец в октябре 1814 г. прошение Шиллинга было удовлетворено и он был отчислен из армин с переводом в

 $^{^6}$ M. Jacobi, *Electro-magnetische Telegraphen.*— «Osterreichische Beobachter», 6.1V.1838, $N\!\!\!>\!\!\!>\!\!\!>\!\!\!>\!\!\!>\!\!\!>$ 96, S. 466.

⁷ Этот чин был равнозначен военному чину подпоручика, в котором Шиллинг тогда оставил военную службу.

Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Однако ему пришлось пробыть во Франции до середины 1815 г., выполняя отдельные поручения министерства в Па-

Находясь в Париже, Шиллинг постарался сблизиться с французскими востоковедами. Эту задачу ему очень облегчил приезд в Париж Ю. Клапрота, который до войны на протяжении десяти лет (1802—1812) состоял адъюнктом азиатских языков Петербургской Академии наук и теперь намеревался продолжать свою востоковедческую деятельность во Франции.

Таким образом, первые шаги в области востоковедения Шиллинг проделал, находясь среди французских листов. Возможно, именно по этой причине он впоследствии неоднократно проявлял внимание и теплые чувства к их национальной корпорации, членом-корреспондентом которой он и сам был избран в 1822 г. 8. В 1823 г. П. Л. Шиллинг получил приглашения посетить в следующем 1824 г. французских, итальянских и английских востоковедов. После этой поездки английские ориенталисты избрали его в число членов Британского общества азиатской литературы 9.

Наступило признание также и в среде отечественных ученых. В конце 1828 г. Шиллинг был избран в члены-корреспонденты Петербургской Академии наук 10. Это была награда за 15 лет весьма деятельного изучения письменных памятников восточной культуры. За этот период Шиллинг сумел собрать редкую по тем временам коллекцию тибетских, монгольских, китайских и японских сочинений.

Внимание Шиллинга привлекла тибетско-монгольская литература в связи с особым интересом, который возник у русской администрации к проблеме проникновения ламаизма в Бурятию. Шиллинг в 1829 г. обратился к известному старожилу Восточной Сибири переводчику монгольского языка

ков (по разряду литературы и древностей Востока).

⁸ В письме от 8 ноября 1822 г. ученый секретарь Азиатского общества в Париже Ж.-П. Абель-Ремюза писал П. Л. Шиллингу: «Имею честь поставить Вас в известность о том, что по представлению г-на Клапрота, к каковому присоединился и я, Совет Общества на вчерашнем заседании присвоил Вам звание члена-корреспондента Азиатского общества...» (Архив АН СССР, ф. 3, д. 2, л. 1). В присланном поэднее дипломе указывалось, «что звание, на которое дает право настоящий диплом, особого почтения со стороны общества к П. Л. Шиллингу, и выражалась надежда, что этот знак явится стимулом для еще более плодотворного сотрудничества» (там же, л. 2).

9 Подлинник диплома Британского общества азиатской литературы о присвоении П. Л. Шиллингу указанного звания находится там же (л. 3).

¹⁰ Протокол № 39 от 17 декабря 1828 г., § 628 об избрании академи-

А. В. Игумнову с просьбой оказать помощь в приобретении ряда интересовавших его восточных сочинений. Сибиряк ответил, что «здесь, как и по всей китайской границе, тангутские и особенно монгольские сочинения редки и потому очень дороги, так что разве по одному тесному знакомству и нужде по случаю можно их доставить, но чтобы кто объявлял их в продажу, того я не слыхивал. Китайцам же, торгующим на Кяхте, привозить туда и продавать нам запрещается» 11.

Собирая на протяжении многих лет письменные памятники восточной литературы, Игумнов сам имел хорошую востоковедческую библиотеку. Подступала старость (Игумнов родился в 1761 г.), и, по свидетельству Н. Щукина, он «страшился, что по смерти его огромная монгольская библиотека будет растащена» ¹². Игумнов предложил Шиллингу приобрести целиком всю его библиотеку 13. Предложение было очень заманчивым, но денежные обстоятельства у Шиллинга в это время были весьма тяжелыми. С 1828 г. он особенно интенработал над электротехническими изобретениями (электромагнитный телеграф и электроминный запал), которые поглотили все имевшиеся сбережения. Поэтому, когда вскоре после предложения А. В. Игумнова П. Л. Шиллинг узнал, что департамент предполагает его послать в Восточную Сибирь в качестве руководителя экспедиции, он обратился к правительству с предложением продать коллекцию собранных им за пятнадцать предыдущих лет письменных памятников восточной культуры, а А. В. Игумнова попросил прислать перечень предлагаемых им книг. Сибиряк сообщил, что он собирается составить «особый реэстр со щетом частей и листов их, дабы и незнакомые Вам книги не показались слишком малыми или большими; каковой реэстр может заключить около семидесяти больших и малых и некоторых из них с маньчжурским, а других и с тангутским языком, чем я и не намерен замедлять и отправить, если не с будущею, то со следующею за оной почтой. Ибо реэстр сей подателю сего не смел я вверить, дабы не попал он в посторонние шарлатанские руки» 14.

Продав свою библиотеку правительству, Шиллинг мог рассчитывать не только приобрести на вырученные средства

¹¹ Архив востоковедов ЛО ИНА АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17. 12 Н. Щукин, *Александр Васильевич Игумнов*, — «Сын отечества»,

т. II, 1838, стр. 94.

¹³ Л. С. Пучковский, *Александр Васильевич Игумнов*, — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1960, стр. 183.

¹⁴ Архив востоковедов ЛО ИНА АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17, л. 19.

собрание Игумнова, содержавшее много еще неизвестных ученому сочинений, но, кроме того, обеспечить себе возможность закупки интересовавших его книг при предполагавшейся поездке к границам Китая.

В марте 1830 г. Николай I дозволил «купить для Министерства народного просвещения у служащего при государственной коллегии иностранных дел действительного статско-Шиллинга фон Канштадта собрание го советника барона азиатских книг» 15.

В ученом мире это событие было сразу же отмечено.

Через несколько месяцев академик И. Я. Шмидт опубликовал подробное описание востоковедческой библиотеки Шиллинга, которое он заканчивал следующим образом: «Приведенные аннотации вполне раскрывают высокую ценность данной коллекции, как с точки зрения ее полезности для изучающих восточноазиатские языки, в частности китайский и маньчжурский, так особенно для ученых-востоковедов. Эта коллекция послужит основой для создания восточноазнатской библиотеки. Благоприятное местоположение России, облегчая пополнение библиотеки недостающим, является преимуществом, которое позволит оставить далеко позади все, что имеется подобного в Европе» 16.

Подготовка экспедиции в Восточную Сибирь. Официально экспедиция в Восточную Сибирь направлялась «для обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ **Китая»**. Действительной же причиной посылки экспедиции был вызвавший у царизма тревогу рост влияния лам на бурятское население. За последнее десятилетие в Забайкалье появилось столько же новых дацанов, сколько их было основано за все предыдущее столетие, а число лам за этот срок почти удвойлось.

Губернские власти стали добиваться ограничительных правил для ламаистской церкви в Бурятии, но встретили резкое сопротивление в Министерстве иностранных дел, на обязанности которого было ведение дел ламаитов. Это объяснялось следующими соображениями. 60% всего русского ввоза приходилось на русско-китайскую торговлю. Доставка же товаров из Китая в Кяхту являлась монополией монгольских монастырей, т. е. целиком находилась в руках лам. Приходилось также считаться с резким усилением британского влияния на Востоке в результате проникновения англий-

Шиллинга Министерству народного просвещения».

16 I. J. Schmidt, Anzeige einer von der Regierung neuerworbenen Sammlung orientischer Werke,— «St. Peterburgische Zeitung», 1830, № 88.

¹⁵ Там же, л. 5. «Дело о продаже востоковедческой библиотеки

ских колонизаторов в центр ламаизма — Тибет. Вместе с тем вскрытая недавней «ревизией Сперанского» картина крайнего беззакония и безудержного лихоимства, которыми оказалась заражена почти поголовно вся царская администрация в Сибири, побуждала русских дипломатов проявлять особую осторожность при ведении дел ламаитов, опасаясь не только срыва торговли с Китаем или откочевки бурятского населения за рубеж страны, но и появившейся угрозы отложения Сибири от России 17. Таким образом, Министерство иностранных дел было вынуждено вместо ограничения деятельности ламаистской церкви искать ее поддержки, заботясь только о том, чтобы предельно ослабить воздействие на ее деятельность зарубежных центров ламаизма.

Поэтому задача «обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая» оказывалась значительно более деликатной, чем это могло бы показаться на первый взгляд, и успех ее выполнения в значительной степени зависел от такта исполнителя.

За П. Л. Шиллингом издавна установилась репутация обаятельного человека, который «известен в обществе своей увлекательной веселостью, а в ученом свете — разнообразием своих сведений и ученых изысканий. Редко человек пользовался в большей мере истинной общей любовью! Все знавшие его, и дамы, и ученые, и дети, и старцы, и люди глубокомысленные, и полуветренники, и русские, и иностранцы, все одинаково любили его искренне» 18.

«Что за увлекательный человек, — писал Э. И. Стогов, — пропасть путешествовал, знаком и в переписке с учеными знаменитостями целого света. Занимательных рассказов, всегда умных, интересных анекдотов — без конца. Шиллинг был небольшого роста, необыкновенной толщины. Всегда приветливое выражение недурного лица, глаза полные веселости и блеска. Он был холост. Обращение его было — человека высшего тона. Он имел искусство оставить уверенность в каждом, что Шиллинг находит его умным человеком» 19.

«Добродушие и природный ум, неистощимая веселость, устранение от всяких интриг, сплетней и личных пристрастий заставляли всех знакомых любить и уважать его. Люди серь-

¹⁷ Отношение русского правительства к этому вопросу подробно рассмотрено в книге К. М. Герасимовой «Ламаизм и национально-коло пиальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (Улан-Улэ. 1957).

⁽Улан-Удэ, 1957).

18 К. Чевкин, *Павел Львович Шиллинг*,— «Северная пчела», 27.IX.1838.

19 «Очерки, рассказы, воспоминания Эразма Ивановича Стогова», —
«Русская старина», 1874, кн. XI, стр. 634.

езные, вдумчивые, строгие любили его беседу, равно как и весельчаки» 20 , — вторит Н. Греч.

Перечисленные качества выделяли Шиллинга среди чиновников Азиатского департамента и несомненно способствовали выдвижению его кандидатуры в качестве руководителя экспедиции в Забайкалье.

Однако замыслы Шиллинга оказались значительно шире задачи, которая была официально поставлена перед экспедицией. Об этом выразительно свидетельствуют первые же строки отчета, представленного ученым в Петербургскую Академию наук.

«Отчет, который я предлагаю в настоящий момент вниманию академии, — читаем мы в указанном документе, — был написан в период моего восемнадцатимесячного пребывания в Кяхте, на китайской границе. В мае месяце 1830 г. я был командирован российским правительством в Восточную Сибирь. Так как уже в течение долгого времени я занимался собиранием различных материалов, касающихся истории, политики и религии народов Центральной Азии, я решил не пренебрегать ничем, что можно было бы обратить в пользу для моих изысканий в столь благоприятных обстоятельствах. Тот факт, что лица, сопровождавшие графа Головкина с его посольством в Китай, добились так мало успеха в подобном направлении, отнюдь меня не обескуражил, а, напротив, послужил для меня новым мотивом для надежды на то, что мои исследования, направляемые капитальным знанием литературы по этой части Азии, а также наиболее важные материалы, почерпнутые мною из трудов знаменитого Палласа, дадут более удовлетворительные результаты. Я также имел смелость лелеять надежду отыскать сокровища литературы, которые ускользнули от деятельности и изысканий таких людей, как граф Ян Потоцкий и г-н Клапрот. Кроме того, доводы некоторых господ, согласно которым будто бы невежество и апатичность бурято-монгольских священников, находящихся под ферулой России, создадут напреодолимые препятствия для моих изысканий, не показались мне достаточно серьезными для того, чтобы отвратить меня от предприятия, успех коего превзошел мои ожидания» 21.

Несомненно, что значительные научные разультаты, достигнутые экспедицией, были получены благодаря тому, что П. Л. Шиллинг сумел настоять на участии в ней Н. Я. Бичу-

²⁰ Н. Греч, Бар. П. Л. Шиллинг, — «Северная пчела», 30.VI.1853.
²¹ «Bulletin de la classe de sciences historiques, philologiques et politiques

de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétérsbourg», t. IV, 1847, N_2 21, 22.

рина. Никита Яковлевич ко времени экспедиции уже имел семь опубликованных работ в области синологии и был известен широким кругам востоковедов не только в России, но и

за границей.

. Сохранившаяся «Записка о. Иакинфа о причинах, побудивших его ехать в Кяхту с П. Л. Шиллингом», четко излагает программу намеченных работ: «Причины, побудившие меня ехать в Кяхту, — писал в ней Н. Я. Бичурин, — суть: 1) нужно составить пространную грамматику языка китайского, что удобнее могу сделать в Кяхте, получая нужные по сему предмету сведения от китайцев лично; 2) китайский словарь, переведенный мною на язык российский и расположенный по тонам, нужно, для удобнейшего потребления, привесть в новый порядок по ключам, а для обширной сей переписки набело требуется употребить китайцев; 3) для предполагаемого мною сочинения, пространного описания китайской империи, нужно получить от китайцев дальнейшие сведения по разным предметам, входящим в состав сего описания; 4) для сей же причины границу Восточной Сибири, определенную мирным договором 1727 г., нужно проверить на месте по картам российским и китайским; 5) в продолжении сих занятий постараюсь приобресть практическое сведение в языке монгольском, часто нужном для пояснения исторических происшествий сего народа и сверх сего узнать образ жизни и обычаи монголов российского подданства, дабы из сравнения увидеть, в чем разнствуют они от монголов заграничных и по какому влиянию; 6) по желанию кяхтинских комиссионеров намереваюсь заняться преподаванием сочиненных мною «Основных правил китайской грамматики», через что мало-помалу устранятся затруднения, которые препятствовали им до сего времени приступить к изучению китайского языка, столь нужного для ежедневных торговых сношений с Китаем» 22.

Кроме Н. Я. Бичурина в состав экспедиции были привлечены: В. Д. Соломирский — литератор, приятель А. С. Пушкина, и К. Крымский — чиновник в чине титулярного советника, предназначавшийся для ведения административных дел

экспедиции.

С друзьями Шиллингом, Бичуриным и Соломирским хотел поехать и А. С. Пушкин.

В записной книжке Н. В. Путяты имеются следующие строки: «Пушкин просился за границу, его не пустили. Он

 $^{^{22}}$ Цит, по ст.: С. А. Қозин, *О неизданных работах Иакинфа Бичурина* (по материалам архива Азиатского музея»), — «Известня АН СССР, Отделение гуманитарных наук», VII серия, 1929, № 5, стр. 399—412.

собирался даже ехать с бароном Шилингом в Сибирь, на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение; но следы его остались в стихотворении:

> Поедем, я готов; куда бы вы, друзья. Куда б ни вздумали, готов за вами я Повсюду следовать, надменной убегая: К подножию ль стены далекого Китая, В жипящий ли Париж, туда ли наконец, Где Тасса не поет уже ночной гребец, Где древних городов под пеплом дремлют мощи, Где кипарисные благоухают рощи, Повсюду я готов...» ²³.

7(19) января 1830 г. поэт действительно обратился с официальным письмом к А. Х. Бенкендорфу с просьбой в случае запрещения выехать во Францию или Италию разрешить ему участвовать в экспедиции П. Л. Шиллинга. 17(29) января А. С. Пушкин получил уведомление от Бенкендорфа, что Николай I «не соизволил удовлетворить Вашу просьбу... полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий» 24.

Разумеется, отказ был сделан отнюдь не вследствие особой заботы о денежных делах и творчестве А. С. Пушкина, а из нежелания допустить встречу поэта с сосланными дека-

бристами.

Еще находясь в Петербурге, Шиллинг начал собирать сведения о крае. В этом отношении примечательно сохранившееся письмо к ученому, которое начинается следующим образом: «Благосклонный Ваш вызов — у Егора Федоровича, — доставить Вам некоторые местные указания для Вашего любопытства по Сибири, заставил меня приложить при сем таковые в 34-х пунктах. Я старичок сибирский, а Вы отправляетесь в дальний край новичком, но я, без лести, уверен, что Вы в два года обогатитесь познанием Сибири более нежели я в 20 лет» 25 .

Еще больше сведений доставили Шиллингу беседы с молодым бурятом из рода цонголов Ринчином Ванчиковым, которого по просьбе ученого заблаговременно вызвали в Петербург и который затем его сопровождал в качестве переводчика во всех путешествиях.

²³ «Русский архив», 1899, кн. 2, стр. 351.

²⁴ А. С. Пушжин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 56, 58, 398.

25 Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, № 72. Встреча с неизвестным автором письма произошла на квартире сослуживца Шиллинга — чиновника Азиатского департамента Е. Ф. Тимковского, который принимал деятельное участие в подготовке экспедиции.

Посещение дацанов и стойбищ Бурятии. С середины1830 г. в Петербург начали поступать сведения о деятельности членов экспедиции П. Л. Шиллинга в Сибири.
Н. Я. Бичурин писал в «Литературную газету»: «С 26 марта
нахожусь в Иркутске. Путь мой от столицы до сего места
был благополучен. В исходе мая отправляюсь за Байкал
в путешествие. В здешнем краю я нашел много интересного
для меня и надеюсь провести время странствия в трудах
приятнейших и полезнейших по отношению к этнографии
азиатских народов. Теперь занимаюсь монгольским языком
и в доброжелательстве здешних жителей нахожу во всем
соответствие моим желаниям» ²⁶.

В августе Н. Я. Бичурин сообщал уже из Кяхты, что «Шиллинг более всего занимается теперь с бурятскими ламами разбором монгольских и тибетских книг, и должно думать, что не одно любопытство побуждает его предаваться занятиям столь скучным, но цель высшая и полезнейшая: распространение филологических сведений о восточных языках и пояснение темных мест в истории коренных обитателей Восточной Азии... Шиллинг по случаю перемены духовной миссии намерен выписать из Пекина много ученых книг на языках китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском...» ²⁷.

Действительно, хотя Шиллинг скептически относился к высокомерным разглагольствованиям некоторых путешественников об отсталости бурят, ему трудно было, как он сам впоследствии сознавался, представить себе до поездки в Восточную Сибирь, что кочевой народ мог обладать такими большими коллекциями книг и библиотеками, какие он в действительности встретил в Забайкалье. Поэтому первоначально Шиллинг ориентировался на Китай, как на основной источник получения письменных памятников восточной культуры.

Однако вскоре Шиллинг убедился, что целесообразно сосредоточить все свои силы и внимание на изучении книгохранилищ в бурятских дацанах. Сопровождавший Шиллинга в качестве переводчика Ринчин Ванчиков помог русскому ученому осуществить эту задачу, объездив с ним всю Восточную Сибирь.

Удалось обнаружить составленное самим ученым «Росписание разным поездкам, сделанным по делам службы в быт-

²⁷ «Литературная газега», т. II, 23.Х.1830, стр. 190.

 $^{^{26}}$ «Литературная газета», издаваемая бароном Дельвигом, т. I, $16.\mathrm{V}.1830$, стр. 226.

ность мою в Восточной Сибири в 1830-м и 1831-м годах» ²³. Воспроизводим его целиком:

1830-го года

1000101044		
Августа. Из Кяхты чрез Кирань в Цонгольской дацан и обратно		верст верс т
ленгинских родов к Бандиде Хамбе на Гусином озере и обратно в Кяхту Октября. Из Кяхты в Верхнеудинск и обратно Из Кяхты в Чикойской дацан на Цугланов хорал, оттуда чрез село Ключи в Ашебаготской дацан в село	300 405	вер ст верст
Бичуру и обратно в Кяхту	220	верст
обратно в Кяхту . ,	250	верст
	1375	верст
1001		-
1831-го года		
Января. Из Кяхты в Чикойской дацан на Хорал Белого месяца, оттуда чрез зимнее стойбище атамана Цонголова	1375	верст
полка и обратно в Кяхту Из Кяхты на Гусиное озеро к Бандиде Хамбе, оттуда чрез Ацайской и Чжангустайской дацаны на Селенгинские соленые озера и обратно в	100	верст
Кяхту	280	верст
гою по Селенге	557	верст
ренные заводы и обратно Из Иркутска обратно в Кяхту Из Кяхты чрез старой и новой дацаны Хоринских родов в Петровской	120 557	верст верс т

²⁸ Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 27.

завод и обратно в Кяхту (см. приложенной маршрут № 1) ²⁹. Из Кяхты чрез Верхнеудинск, Читу в Акшинскую крепость, оттуда по границе до Цурухайту, потом чрез главный Нерчинский завод обратно в Кяхту (см. маршрут № 2)

510 верст

3209 верст 7208 верст ³⁰

Еще более чем проявленные П. Л. Шиллингом энергия и подвижность поражают достигнутые им во время указанных поездок результаты.

Посещение Чикойского храма сразу же подтвердило достоверность сведений, которые сообщил ему молодой проводник, о больших размерах и ценности литературных сокровищ, находившихся в дацанах.

«Эти книги, которые я впервые здесь увидел, — писал Шиллинг, - были тщательно завернуты, так сказать запеленуты, в куски сукна красного и желтого цвета. Они были расставлены по обе стороны алтаря и, судя по их объему, должны были содержать подавляющую часть книжных богатств буддизма. Я считал неудобным просить при этом первом своем посещении сразу же разрешения открыть один из томов того самого знаменитого Ганджура, который так заботливо скрывали от простого народа, и удовлетворился лишь тем, что попросил у лам разрешения просмотреть несколько томов лексикографии, Мингджирджамцо и Тегпарлава. Я немедленно воспользовался их любезным согласием и мог сразу же оценить огромные преимущества, которые мне давало в глазах монгольских лам знание тибетской письменности. являвшейся языком их священных книг, и та легкость, с которой я сумел продемонстрировать свои познания перед ними» ³¹

Таким образом, знание тибетской письменности, присущие ему такт и личное обаяние помогли Шиллингу преодолеть недоверие чикойских лам.

Воспользовавшись тем, что в это время в Пекин отправлялась на смену старой новая церковная миссия в сопровожде-

²⁹ В приложенных маршрутах указаны остановки и заезды в различные пункты, в том числе в дацаны: Тугнуйский, Кульский, Онинский, Ходунский, Субулинский (вероятно Цугольский), Ашинский. ³⁰ Так у П. Л. Шиллинга.

³¹ Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 24. Здесь и далее цитируется по французскому тексту отчета П. Л. Шиллинга.

нии пристава подполковника Ладыженского, ученый поручил своим знакомым произвести в Пекине покупку интересовавших его книг. При этом Шиллинг сумел привлечь себе на помощь в этом деле сведущих лам. «Я поспешил обещать монгольским ламам, — описывал этот случай ученый, — доставить им этим же путем религиозные сочинения, написанные на тибетском языке, которые могли у них отсутствовать. Они с признательностью приняли мое предложение и вручили мне список сочинений, которые они хотели бы получить, и этот список был отредактирован в моем присутствии. Это уже был результат, имевший для меня кое-какое значение, потому что только этот список, как ни короток он был, давал мне определенные библиографические сведения, которые мне было бы трудно получить другим путем... Восемь дней спустя после этой встречи я снова посетил храм уже вместе с подполковником Ладыженским... Я хотел, чтобы подполковник дал ламам устные заверения, что их поручение будет точно выполнено».

Вскоре Шиллинг настолько сблизился с ламами, что один из них даже принял приглашение ученого посетить Кяхту и во время этого посещения составил список всех известных ему сочинений, написанных по-тибетски. «Этот список, оказавшийся очень большим, — указывал ученый, — познакомил меня с заглавиями значительного числа сочинений в самых различных жанрах, о существовании которых я и не подозревал».

Узнав, что в храме пришел в негодность музыкальный инструмент (так называемый «ло» или «там-там»), П. Л. Шиллинг через русских купцов достал новый инструмент и преподнес его чикойским ламам. «Этот подарок, — писал П. Л. Шиллинг, — произвел огромное впечатление, и ламы с этого момента стали более общительны и дружелюбны. Я подумал, что можно набраться смелости и попросить посмотреть Ганджур. Старший лама с легкостью, которой незадолго перед тем невозможно было бы ожидать, приказал, чтобы из храма извлекли один том и принесли в его юрту, где находился и я».

П. Л. Шиллинг не обманул доверия лам и, к их величайшему удивлению и удовлетворению, оказал все требующиеся по буддийским понятиям знаки уважения к священным сочинениям: брал листы рукописи только за их края, не касаясь письмен. Примечательнее же всего оказался непосредственный результат первого знакомства П. Л. Шиллинга с Ганджуром. «Каково было мое удивление, — писал ученый, когда, перелистывая этот том, я встретил знаменитый лист Аблайкита, который пытался расшифровать Фурмон. Несомненно, что специальное изучение этой страницы, замечательной по тем ошибочным толкованиям, которые давались ей, может объяснить, почему я сумел ее распознать в первый же момент, как только она попалась мне на глаза. Но всего более вправе поразить нас то обстоятельство, что случай привел ко мне в руки именно этот лист, затерянный в сочинении, содержавшем почти сорок тысяч их».

Разумеется, Шиллинг воспользовался счастливым случаем и тут же попросил у лам не только объяснить некоторые санскритские гермины, которыми перемежался тибетский текст, но даже договорился с одним из них о переводе этого листа на монгольский язык ³².

Скоро счастливый случай помог Шиллингу получить в свое распоряжение одну из наиболее любопытных частей Ганджура, состоявшую из ста тысяч двустиший, которая называлась «Юм». Р. Ванчиков, разумеется, позаботился познакомить Шиллинга в первую очередь со своим родом цонголов. Один из богатых цонголов, являвшийся обладателем Юма, преподнес ученому это сочинение в дар — в знак особого почтения, которое, очевидно, было внушено не без участия юного переводчика.

Впечатление, произведенное П. Л. Шиллингом на бурятское духовенство, было настолько благоприятным, что вскоре глава всех бурятских лам — пандит Хамбо прислал племянника убедить русского путешественника посетить его храм

³² Впоследствии справедливость критики, которой Шиллинг подверг перевод Фурмоном листа Аблайкита, была единодушно признана. Например, геттингенский ориенталист Эвальд писал Шиллингу 24 октября 1835 г. по этому поводу:

[«]Имею честь возвратить при сем Вашему Превосходительству с величайшей благодарностью листок Фурмона, который Вы были столь добры мне передать. Я за эти недели изучал тибетский язык по книгам Кореси и чувствую себя более чли менее в состоянии понимать тибетские книги. Две маленькие книжки, которые Вы любезно передали здешней библиотеке и мне, просмотрены и с них составлен реферат для здешних «Гет. известий», который я буду иметь честь послать Вам, если только при нашем медленном печатании он успеет выйти настоящей зимой. Что касается листика Фурмона, то совершенно верно, что Я. И. Шмидт, которого я очень почитаю, был первым, кто сумел вполне правильно его перевести. Я усматриваю из истории языков Эйхгорна, что подличность перевода Фурмона уже раньше подвергалась сильному сомнению и частично была доказана» (Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 52). В этом письме речь идет о переводе Шмидтом на немецкий язык монгольского перевода, сделанного в Кяхте по просьбе Шиллинга с тибетского оригинала. Как отмечено во введении к указателю Гандура Шиллингом: «...этот лист не содержал ничего из того, что в нем увидели Фурмон, Байер и Георги. Шмидт намеревался взять этот лист в качестве темы специального мемуара, но более важные занятия отвлекли его от этого намерения».

на Гусином озере, находившийся в ста километрах севернее Кяхты.

«Я явился, предшествуемый репутацией, которую мне создали мои знания тибетского языка, щедроты по отношению к различным ламам и особенно то, как я принял подарок вождя цонголов, — описывал эту встречу П. Л. Шиллинг. — Пандит Хамбо, узнав, что я сделал новые шелковые покровы на шесть томов Юма, которые я только что получил, что было сочтено, очевидно, доказательством моего почтения по отношению к священным письменам, и зная скромность, с которой я вел себя в Чикойском храме, испытывал меньше нежелания лишиться нескольких сочинений, подарив их мне. Среди других ценных книг я получил «Сундуй», сочинение, содержащее 169 небольших трактатов, в которых я нашел формулы заклинаний, большое астролого-астрономическое сочинение, называвшееся «Вайдур Карпо», и несколько трактатов по медицине, в том числе «Хлантап».

После того как сам глава бурятских лам проявил столько внимания и уважения к русскому ученому, посещение им храмов стало почитаться за честь — и одно приглашение следовало за другим. Вскоре Шиллинг уже мог поражать лам такой осведомленностью о книжных богатствах, хранившихся в дацанах, которой подчас не обладали они сами.

Вскоре почтительное отношение к Шиллингу получило совершенно неожиданную окраску. За год до прибытия русского ученого в Кяхту один старый лама пророчествовал, что появится чужеземец, обращенный в буддийскую веру, который затем распространит ее на Западе. Теперь это пророчество внезапно вспомнилось, и оно единодушно было отнесено к Шиллингу.

«Я был немало удивлен, узнав через монголов, сопровождавших меня в качестве переводчиков, — писал П. Л. Шиллинг, — что меня стали считать земным воплощением какогото значительного персонажа буддийского Пантеона, одним словом Хубилгана. Наконец случай, как бы в подтверждение их иллюзий, свел меня с настоящим монгольским Хубилганом, которому я сделал много подарков и который в свою очередь по совету наших бурятских лам не поколебался признать за мной высокие прерогативы земного воплощения и убедить таким путем жрецов в том, что их предвидения были обоснованы».

После такого своеобразного признания Шиллинг начал получать со всех сторон в дар тибетские и монгольские кчиги. Ему не только с удивительной легкостью стали их дарить, когда он сам посещал храмы. Теперь началось паломничество

в Кяхту из уголков края, подчас удаленных на тысячу километров, с единственной целью навестить ученого и вручить ему те книги, которые могли, по мнению паломников, еще отсутствовать у него.

Для исчерпывающей полноты коллекции письменных памятников монголо-тибетской культуры не хватало лишь тех редких сочинений, которые имелись у бурятов в единственном экземпляре и, естественно, не могли быть подарены. Чтобы восполнить эту недостачу Шиллинг предпринял дело, которое едва ли кто-либо кроме него сумел бы успешно осуществить. Он организовал целое предприятие по переписке уникальных сочинений, собрав для этого в Кяхте самых искусных каллиграфов в бурятских храмах. Эти переписчики (их собиралось иногда до двадцати человек) жили в войлочных юртах, которые были для них поставлены прямо во дворе дома, где жил Пиллинг.

Круглые сутки не снимался с очага котел с чаем. Специальный повар готовил по-монгольски, расходуя подчас до сорока килограммов говядины в день.

Несомненно, что только вследствие огромного авторитета Шиллингу удалось организовать переписку столь редких книг.

Среди лам, привлеченных к этому делу, были весьма образованные лица. С их помощью Шиллинг мог разобраться в целом ряде вопросов, касавшихся церемоний и обрядов, знание которых было доступно только узкому кругу посвященных в наиболее сокровенные таинства буддизма. Шиллингу удалось заполучить некоторые из этих книг и даже найти монголов, сумевших тут же перевести тибетский текст этих сочинений на монгольский язык.

Приобретение Ганджура. Самое ценное приобретение П. Л. Шиллинг сделал во время своего длительного пребывания в 1831 г. в Субулинском дацане. Этот храм, сооружение которого еще не было закончено, оказался богаче книгами, чем все посещенные ученым до этого храмы. Объяснялось это тем, что хоринские буряты имели более тесное общение и свободу ввоза книг из Китая и Тибета через своих монгольских лам, оставшихся подвластными китайцам. Один из лам привез из Лхасы в Субулин не только Ганджур, но еще более значительное тибетское собрание, известное под названием Данджур, состоящее из 224 томов (сто тысяч листов).

Ко времени приезда Шиллинга в Субулин местные ламы были очень озабочены устройством одного из необходимейших предметов религиозного обихода в достраивавшемся храме: специального сооружения для молитв, устанавливавшегося у входа. На вращающейся части этого сооружения,

представлявшей нечто вроде колеса, должна была содержаться формула заклинания, повторенная сто миллионов раз.

Это заклинание ламам предстояло отпечатать способом, каким издавна печатались вообще все тибетские сочинения. Текст вырезался на деревянной доске, которая затем клалась для печати текстом кверху на стол. К концам доски вставало два человека. Один из них при помощи тампона наносил на доску жидкую китайскую тушь. Затем оба брали лист бумаги, накладывали его на доску, а сверху покрывали еще листом бумажной макулатуры. Второй рабочий проводил с силой вдоль всей доски сухим тампоном. Затем рабочие отбрасывали макулатуру и снимали готовый отпечаток, который потом просушивался.

Субулинские ламы сумели вырезать на печатной доске указанное выше заклинание 250 раз. Следовательно, чтобы выполнить требование относительно повторения этого заклинания 100 миллионов раз, им предстояло сделать 400 тыс. отпечатков, которые оказалось невозможным разместить в намеченном при постройке храма пространстве. Кроме того, при указанном способе печати требовалось бы огромное количество бумаги, которая стоила там очень дорого.

Шиллинг сообщил ламам, что он мог бы заказать для них исполнение этой печати в Петербурге типографским путем. При этом на одном листе бумаги того же формата поместилось бы не менее 2500 священных фраз, т. е. сократилось бы количество необходимой бумаги и занимаемого места в 10 раз.

Одно лишь предположение, что русский ученый сумеет их избавить от непреодолимых затруднений в столь важном для них деле, показалось субулинским ламам настолько ценным, что они не поколебались немедленно подарить Шиллингу единственный имевшийся у них экземпляр Ганджура. Это собрание сочинений, которое наш ученый так страстно мечтал приобрести, было преподнесено депутацией лам, пришедших в сопровождении светских лиц.

Несмотря на то, что субулинские ламы без особых затруднений могли приобрести новый экземпляр Ганджура, подарок растрогал Шиллинга. Он не только выполнил свое обещание, но заказал тираж в полтора раза больший, чем обещал, причем листки печатались не черной краской, а красной, которая по ламским понятиям сообщала написанному в восемьсот раз больше силы. Со стороны Шиллинга это был акт особой учтивости, так как подаренный ему Ганджур был также напечатан красной краской.

Таким образом, Шиллинг оказался обладателем одного из самых замечательных произведений тибетской литературы,

которое в те времена Европа знала только по названию ³³. Ценность этого приобретения показалась ученому еще более высокой, когда ему стало известно о полном провале попыток его соотечественников приобрести Ганджур в Пекине. Дело в том, что еще при проезде подполковника Ладыженского ученый обратился к члену старого состава духовной миссии в Пекине З. Ф. Леонтьевскому с просьбой закупить интересовавшие его книги и особенно просил найти Ганджур.

«В особенности прошу Вас приложить все Ваше старание приобрести для меня полный Ганджур пекинского издания, коего краткое содержание при сем прилагаю, — писал Леонтьевскому Шиллинг, — сей Ганджур состоит из 106 больших томов, листы его имеют 1 аршин длины и 5 вершков ширины. Вы можете дать за чисто отпечатанный экземпляр на хорошей толстой из двух или трех листов склеенной бумаги до четырехсот лан. Просьба произвести много других заказов на

книги, лекарства, утварь, одежду и ткани и т. д.» 34.

Возвратившись в Кяхту с подарком, вес которого приравнивали ноше нескольких верблюдов. Шиллинг сразу же приступил к составлению описания, принадлежавшего теперь ему издания Ганджура из Нартанга 35. «Я не один раз, — писал Шиллинг, — испытывал необходимость иметь подобный труд, так как, узнав от лам о существовании того или иного сочинения, я оказывался не в состоянии сказать, являются ли эти сочинения частью Ганджура или какого-либо другого собрания... Я начал с того, что организовал переписку на отдельные листы одного формата всех без исключений санскритских и тибетских заглавий, даже самых коротких, находившихся в этом собрании. Каждый из этих листов начинается санскритским заглавием, если трактат, содержащийся в собрании, имеет его, затем во второй строке помещается тибетское название, в третьей строке — имена пандитов, собравших изречения Будды, в четвертой строке — имена переводчиков и наконец в последней строке — секция, буква, обозначающая том, номер листа, с которого начинается данный трактат, и номер листа, на котором он кончается... чтобы выполнить эту

³³ Интересно отметить, что ориенталисты Франции тщетно пытались в течение многих лет получить экземпляр Ганджура, используя всевозможные средства связи. Станислав Жюльен, например, неоднократно просил О. М. Ковалевского посодействовать ему в приобретении Ганджу-

ра через Российскую духовную миссию в Пекине.

34 Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 40. Письмо П. Л. Шиллинга

3. Ф. Леонтьевскому от 25 февраля 1831 г. из Троицкосавска.

35 Нартанг — монастырь в южном Тибете, основан в 1153 г. При монастыре имеется большая типография ксилографической печати, которая славится своими изданиями.

работу, пришлось перелистать один за другим около сорока тысяч листов, содержащихся в Ганджуре... Эта скучнейшая работа дала мне систематический индекс сочинений, из которых состоит это огромное собрание. После того как это было сделано, листы были размещены в порядке алфавита, принятого оригинальными тибетскими словарями».

Шиллинг составил алфавитную и систематическую классификацию для своего экземпляра Ганджура и для двух экземпляров этого сочинения, хранившихся в других бурятских храмах, а также для Данджура, единственный бурятский экземпляр которого, как было уже сказано, хранился в том же Субулинском храме (по-видимому подразумевается Щуголыский дацан). Описание Данджура составило 3800 листов, содержавшихся в трех томах систематического и в одном

томе алфавитного индексов.

Имея в виду по приезде в Петербург опубликовать составленные им индексы, Шиллинг при отъезде из Восточной Сибири позаботился подыскать себе помощника. «Для осуществления плана, — писал впоследствии ученый, — который я наметил уже во время своего пребывания в Кяхте, а именно опубликования рукописных индексов Ганджура и Данджура, я привез с собой в Петербург молодого бурята (который, не будучи ламой, был образован не менее их), чтобы поручить ему переписать эти индексы».

И далее, заключая свое введение к указателю Ганджура, Шиллинг отмечал: «Настоящий том является результатом копирования им индекса нартанского Ганджура. Этот том был закончен в 1833 г., то есть в то время, когда другие занятия, возложенные на меня, не могли меня отвлечь от начатой работы. Кроме копирования индекса, этот молодой бурят составил также каталог моего собрания, о котором я говорил ранее и который я намеревался воспроизвести литографическим путем, так же, как и индекс Данджура. Если бы не непреодолимое желание увидеть свою страну, обуревавшее молодого бурята, ничто не вынудило бы меня расстаться с ним до окончания этой работы».

Приходится с прискорбием отметить, что большая работа, проделанная Шиллингом над Ганджуром, была забыта сразу же после смерти ученого. По этому поводу академик О. Бетлингк в 1847 г. писал: «Нет необходимости говорить о том, что если бы покойный Я. И. Шмидт и я узнали этот интересный труд в 1845 г., в то время когда Академия издала Указатель к Ганджуру с предисловием Я. И. Шмидта, то этот труд получил бы свое настоящее предназначение. Опубликовывая этот материал в «Бюллетене», мы надеемся выполнить свой долг по отношению к покойному П. Л. Шиллингу, неустанной деятельности и удивительной находчивости которого Академия обязана собранием прекрасной коллекции тибетских и монгольских гравюр и манускриптов. Мы хотим также предоставить читателю поучительную возможность убедиться самому в упомянутых достоинствах почившего автора» 36. После этого выступления О. Бетлингка о работе П. Л. Шиллинга снова забыли и более не вспоминали до настоящего времени.

Устав о монголо-бурятском духовенстве. Помимо других задач на экспедицию возлагалось изучение существующего административного устройства ламаистской церкви в Восточной Сибири и разработка на основании полученных сведений «Устава о монголо-бурятском духовенстве», который, не затрагивая самого ламского духовенства, вместе с тем позволил бы значительно усилить влияние царского правительства на бурятскую церковь и в конечном счете исключить возможность ее использования в политических целях через иностранные центры буддизма.

Следует отметить, что губернское управление во главе с генерал-губернатором С. П. Лавинским категорически возражало против «Устава о монголо-бурятском духовенстве», как документа, который не только узаконит ламаизм в качестве официальной религии бурятского населения, но и значительно усилит независимость лам от местных и губернских властей. В действительности Министерство иностранных дел именно этого и добивалось. Как писал впоследствии П. Л. Шиллинг в объяснительной записке к «Уставу о монголо-бурятском духовенстве», ему было заранее предписано Министерством иностранных дел два принципа, которые должны были лечь в основу устава: «Сколько возможно сосредоточить власть управления, чтобы дать единство ходу дела и чтобы усилить влияние правительства на лам посредством Бандида-хамбы, поставленного ныне единственным их главой» и «устранить влияние земских чиновников, корыстолюбие коих доселе было главной причиной беспорядков в бурятском духовенстве» 37.

Эту задачу предстояло выполнить в условиях сильно раз-

³⁶ O. Böthlingk, Bibliothèque bouddhique ou Index du Gandjour de Nartang, compose sous la diréction du Baron Schilling de Canstadt, Avant-propos. (Lu le 26 novembre 1847), — «Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petérsbourg», № 93, 94, 1847.

³⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1264, оп. 1(54), д. 211, л. 196 (далее — ИГИАЛ).

горевшегося к тому времени соперничества между тремя старейшими дацанами: Гусиноозерским селенгинских родов, Чикойским цонгольских родов и Кудунским хоринских родов. Ко времени приезда экспедиции местом пребывания главы бурятских лам пандита хамбо ламы был Гусиноозерский дацан, хотя Чикойский дацан продолжал борьбу за первенство, утраченное им в 1809 г. Вместе с тем настоятелю Кудунского дацана удалось в 1818 г. выхлопотать для себя должность главного помощника пандита хамбо ламы — так называемого дэл хамбо ламы 38.

Факты, приведенные в начале этой статьи, дают представление о большом такте, с которым Шиллинг сумел добиться выполнения намеченной им собирательской и исследовательской работы. Еще больше такта и осторожности он соблюдал, работая над официальной частью программы.

При первом же свидании с пандитом хамбо ламой ученый откровенно поставил его в известность о задаче, которая поставлена экспедицией в отношении составления «Устава», и сумел внушить главе забайкальских лам поручить это дело дэд хамбо ламе. Ламы Кудунского дацана не только составили первоначальный проект «Устава», но и перевели его для Шиллинга на русский язык ³⁹.

Составление «Устава», как впрочем и другие официальные дела, он возложил на остальных членов экспедиции, а сам целиком отдался розыску, приобретению и изучению письменных памятников. В. Д. Соломирский писал в 1831 г. из Кяхты одному из своих приятелей в Петербург, что он «не без дела» и «написал обозрение торговли России с Китаем; составил проект новых правил, коими наше купечество должно впреды руководствоваться, доказав прежде безрассудную неосновательность ныне существующих. Недавно кончил историческое обозрение монголо-бурятского духовенства, для которого ныне занимаюсь составлением особенного устава...» 40. По поводу же участия в этой работе Н. Я. Бичурина Шиллинг писал, что «отец Иакинф, уже с давнего времени ознакомленный

³⁸ Экспедиция в представленном ею проекте «Устава о монголо-бурятском духовенстве» предлатала устранить соперничество, разделив дацаны на три церковных округа и поставив во главе каждого из них указанные старейшие дацаны. Гусиноозерский и Чикойский дацаны должны были поочередно служить резиденцией пандита хамбо ламы, а Кудунский дацан — постоянной резиденцией дэд хамбо ламы.

39 Этот документ получил впоследствии название «Кудунского устава

³⁹ Этот документ получил впоследствии название «Кудунского устава 1831 г.». В настоящее время его оригинал хранится в Отделе восточных рукописей Института народов Азии АН СССР под шифром Монг. Дылык. 32, MS, Д217.

^{40 «}Щукинский сборник», вып. VI, 1907, стр. 421.

с местными обстоятельствами Кяхты, был мне весьма полезен как по собиранию сведений о тамошней торговле, так и при сочинении проекта устава для монголо-бурятского духовен-·ства» 41.

Таким образом и был разработан на основе «Кудунского устава 1831 года» тот документ, который вошел в историю и сохраняется под наименованием «Устава монголо-бурятского духовенства 1832 года» или просто «Устава Шиллинга» ⁴².

К. М. Герасимова в своем исследовании, касающемся политики царизма в отношении бурятского ламаизма, дает следующую оценку этому документу: «Материалы Шиллинга ценны своими источниками, но необходимо при пользовании ими иметь в виду их некоторые особенности. В «Уставе Шиллинга» главы о дацанских должностях, о дацанском хозяйстве, имущественных правах духовенства, внутреннем распорядке дацана составлены на оригинальных монгольских материалах, но с некоторыми изменениями и коррективами. Та часть, которая относится к общему административному положению ламаистской церкви, к порядку делопроизводства, подчиненности и т. д., отражает требования политики правительства...» 43.

«Устав», созданный в результате работы экспедиции П. Л. Шиллинга, вызвал бурные обсуждения и споры между различными правительственными учреждениями, которые продолжались семь лет. В 1838 г. он был окончательно отклонен и только четверть века спустя был издан законодательный акт — «Положение о ламаистской церкви в Забайкалье», который, впрочем, еще более углубил существовавшие противоречия.

Отношение П. Л. Шиллинга к Н. Я. Бичурину. Знакомство и затем сближение П. Л. Шиллинга с главой возвратившейся в 1822 г. в Петербург из Пекина духовной миссии архимандритом Иакинфом, как именовался тогда основоположник русской синологии Никита Яковлевич Бичурин, несомненно оказало на востоковедческую деятельность Павла Львовича решающее значение.

Никита Яковлевич родился в 1777 г. в глухом казанском селении Бичурино в семье дьячка Якова. Бичурин учился в Казанской семинарии и проявил блестящие способности.

⁴¹ С. А. Қозин, О неизданных работах Иакинфа Бичурина (по материалам архива Азиатского музея), стр. 410—412.
42 ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1/54, д. 212а.
43 К. М. Герасимова, Ламаизм и национально-колониальная политика

царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков, Улан-Удэ, 1957, стр. 6.

Благодаря покровительству казанского архимандрита Амвросия (Подобедова) в возрасте 24 лет Бичурин стал главой Иркутского монастыря и семинарии. Правда, он продержался в этом высоком звании менее двух лет, так как дерзкое нарушение им канонов православной церкви стало известно высшему духовенству, и Бичурин не только был отстранен от руководства монастырем, но и сослан на год в Тобольский монастырь.

В 1807 г. в результате раздоров в среде миссионеров оказалось вакантным место начальника пекинской Российской духовной миссии. Архимандрит Амвросий этим воспользовался и сделал представление к назначению о. Иакинфа. 17(29) сентября 1807 г. о. Иакинф был возведен в сан архимандрита, а 10(22) января 1808 г. направлен в Пекин в качестве главы Российской духовной миссии.

Однако Бичурин вместо миссионерской деятельности занялся глубоким изучением языка, культуры и быта китайского, а затем монгольского, тибетского и других народов Азии.

Между тем в 1818 г. в Петербурге был сформирован новый состав пекинской духовной миссии, которую возглавил 54-летний штатный переводчик китайского и маньчжурского языков Азиатского департамента Павел Иванович Каменский (архимандрит Петр). Только в конце августа 1819 г. новая миссия в сопровождении специально приставленного чиновника (пристава) Азнатского департамента Е. Ф. Тимковского выехала из Петербурга и прибыла в Пекин в конце 1820 г. Полгода глава новой миссии принимал дела у Бичурина и наконец 15(27) мая 1821 г. старая миссия отбыла на родину, увозя с собой многочисленные вещественные доказательства полезной научной деятельности Никиты Яковлевича. «15 верблюдов навыочено было сими произведениями китайской учености, — писал впоследствии Е. Ф. Тимковский о приобретенных Н. Я. Бичуриным восточных книгах. — Смело можно сказать, что во все восемь перемен состава российско-императорской пекинской миссии, бывших в течение 100 лет, не вывезено столь великого числа полезных сочинений, как в настоящую девятую перемену оной...» 44.

До Петербурга старая миссия добралась только к январю 1822 г. Донесения главы новой миссии о «еретической» деятельности Н. Я. Бичурина, конечно, достигли царя значительно раньше. В Петербурге дерзкого вольнодумца ждала царская расправа. После продолжительного следствия, формаль-

⁴⁴ Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., ч. II, СПб., 1824, стр. 286.

ными мотивами которого послужили обвинения в продаже перковной утвари и сдаче церковных помещений в аренду, к чему Н. Я. Бичурин был вынужден прибегнуть вследствие полного прекращения денежных поступлений от царского правительства на протяжении семи лет, о. Иакинф был 4(16) сентября 1823 г. сослан на вечное заключение в Валаамский монастырь.

Павел Львович сразу увидел в Бичурине крупного ученого и еще во время следствия предпринимал шаги к смягчению его участи. С присущей настойчивостью Павел Львович не прекращал попыток возвратить Н. Я. Бичурина из заключения. Только 1(13) декабря 1826 г. ему удалось добиться перевода Н. Я. Бичурина из Валаамского монастыря в Александро-Невскую лавру и вслед затем зачислить его штатным служащим Азиатского департамента 45.

В последующие годы Шиллинг в качестве директора первой русской литографии, организованной при Министерстве

⁴⁵ А. Н. Бернштам, основываясь на том, что в записках А В. Никитенко («Моя повесть о самом себе и о том "чему свидетель в жизни был"»,—«Записки и дневник: 1804—1877 гг.», СПб., 1904) приводится рассказ 72-летнего Е. Ф. Тимковского, приписывавшего себе заслугу возврата Н. Я. Бичурина в Петербург, подвергает сомнению роль П. Л. Шиллинга в этом деле (А. Н. Бернштам, Н. Я. Бичурин и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»). Следует напомнить, что в 1826 г. Е. Ф. Тимковский занимал окромное положение колежского асессора. К этому времени Шиллинг был уже в чине статского, советника и с его мнением весьма считались в министерстве. Роль Шиллинга в деле привлечения Н. Я. Бичурина к работе в Азиатском департаменте подтверждается многочисленными фактами и письменно засвидетельствована внучкой синолога (Н. С. Моллер, Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки,— «Русская старина», т. ІХ, 1888).

Известное стремление обойти молчанием положительную роль Шиллинга появилось после опубликования очерков С. Я. Штрайха о Р. Медоксе. Дело в том, что, находясь в Иркутске, Шиллинг, В. Д. Соломирский и другие члены экспедиции навещали декабриста А. Н. Муравьевых которого помиловали и назначили городским исправником. Эти посещения совпали со временем, когда в семье Муравьевых усиленно подвизался известный провокатор Роман Медокс. Указанное обстоятельство дало повод С. Я. Штрайху приписать также членам экспедиции и лично Шиллингу соучастие в действиях Медокса («Самозванец Медокс среди декабристов», — жури. «Всемирная иллюстрация», 1925, № 7—8, стр. 7; «Роман Медокс», М., 1929, стр. 45—46, 52—56; «Русский Казанова», М., 1932, стр. 20 и сл.); однако, как это было доказано впоследствии многими публицистами, сенсационные «разоблачения» С. Я. Штрайха оказались голословной выдумкой (см. Д. И. Каргин, Об одной клевете на изобретателя электромагнитного телеграфа. Рукопись доклада на собрании ленинградского отделения комиссии по истории техники АН СССР. Архив АН СССР, ф. 802, оп. 1, лл. 263—280; А. Ф. Коростин, Начало литографии в России, М., 1943, стр. 78; А. В. Яроцкий, Павел Львович Шиллинг, М., 1953, стр. 108, 109, 122, 123).

иностранных дел, как мы увидим, оказывал непосредственную

помощь Н. Я. Бичурину в деле издания его трудов.

Несравнимо более ценным являлось то обстоятельство, что Шиллинг сумел отстоять участие Н. Я. Бичурина в экспедиции 1830—1832 гг. Значение экспедиции было огромно. Она явилась по существу организованным коллективным продолжением той научной работы по изучению Востока, начало которой положил Н. Я. Бичурин во время своего пребывания в Китае. Шиллингу было совершенно очевидно, что успешному продолжению этой работы значительно содействовало бы освобождение Н. Я. Бичурина от монашеских уз и от заточения в Александро-Невской лавре, куда синологу предстояло вернуться по завершению экспедиции.

Поэтому, еще находясь в Кяхте, в 1831 г. Шиллинг начал подготавливать освобождение Н. Я. Бичурина от монашества. По ходатайству ученого его непосредственный начальник министр иностранных дел К. В. Нессельроде — обратился 29 мая 1831 г. к обер-прокурору синода с просьбой снять с Н. Я. Бичурина монашеское звание. «Находящийся ныне в Восточной Сибири по делам службы монах Иакинф, — написано в ходатайстве к синоду, — известный по глубоким познаниям своим в литературе Китая, и доселе не перестающий обогащать наше отечество и самую Европу полезными сведениями насчет государства сего, не во всех отношениях известного, обратился в министерство с просьбою о предстательстве, дабы с него сложили монашеское звание, по тому уважению, что при ученых его занятиях и по свойственным человеку слабостям он не может с точностью и по совести соблюдать обетов монашества и что сан сей препятствует ему в свободном отправлении возлагаемых на него по службе обязанностей». Обер-прокурор синода 19 июля 1831 г. направил благоприятный ответ непосредственно Шиллингу. После этого с присущей ему дальновидностью Шиллинг позаботился списаться с нижегородским архиепископом, чтобы тот выполнил все необходимые формальности еще на обратном пути до прибытия экспедиции в Петербург. Однако Николай I, и Шиллингу было послано приказание на обратном пути не останавливаться в Нижнем Новгороде и доставить Н. Я. Бичурина прямо в Петербург.

Тем не менее Шиллинг продолжал при каждом подходящем случае упорно подчеркивать научные заслуги великого синолога. После возвращения из Сибири в докладной записке министру иностранных дел от 24 июля 1832 г. Шиллинг писал: «Отец Иакинф, уже с давнего времени ознакомленный с местными обстоятельствами Кяхты, был мне весьма полезен как

по собранию сведений о тамошней торговле, так и при сочинении проекта устава для монголо-бурятского духовенства. Через него же я получил от китайцев достоверные в Азиатский пепартамент сведения о возникших в Китае беспокойствах и набегах на западные пределы оного. На возвратном пути из Иркутска я, будучи не в состоянии по причине болезни отправиться к западным границам Китая для собрания свелений о производящейся там торговле, поручил сие монаху Иакинфу, который исполнил оное с примерным усердием и прозорливостью. Сверх занятий по должности в 18-месячное пребывание в Кяхте, он продолжал и ученые труды свои. Во-первых, он окончательно отделал свой перевод истории Тибета и Хухэнора с китайского языка, который я имею честь при сем представить, во-вторых, при упражнении в монгольском языке перевел словарь Сан-хэ-бянь лянь, изданный на языках: маньчжурском, монгольском и китайском — и расположил его по монгольскому алфавиту... Отец Иакинф положил в Кяхте первое основание училища китайского языка. Пвенадцать человек детей кяхтинских купцов, обучавшихся у него около десяти месяцев, на публичном испытании оказались довольно сведущими в китайских письменах и даже двое из них могли несколько объясняться на сем языке, чему были свилетелями все члены возвратившейся тогда из Пекина миссии, которые при сем случае единогласно сознались, что они в знании китайского ученого языка с монахом Иакинфом состязаться не могут...» 46.

Хотя, таким образом, Шиллингу не удалось освободить Н. Я. Бичурина от монашеского сана, он по возвращении в Петербург сумел все же доказать абсолютную необходимость продолжения работ великого синолога в Восточной Сибири. В 1835 г. Н. Я. Бичурин снова отправился в Кяхту, где пробыл до 1837 г., завершив составление китайской грамматики.

В 1837 г. Н. Я. Бичурин был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук и членом Азиатского общества в Париже.

В том же году Шиллинг умер и Н. Я. Бичурин был возвращен в Александро-Невскую лавру. Утратив своего друга и покровителя, Н. Я. Бичурин, переживший Шиллинга на 16 лет, уже более никогда не смог вырваться из монашеской кельн.

 Φ ормирование коллекций. Письменные памятники восточной культуры, собранные П. Л. Шиллингом, составили не-

⁴⁶ А. С. Қозин, О неизданных работах Иакинфа Бичурина, стр. 399.

сколько больших коллекций, вошедших значительным вкла-

дом не только в наши отечественные хранилища.

В 1835 г. в Азиатский музей поступила коллекция Шиллинга, купленная у него Министерством народного просвещения в 1830 г., о которой было уже сказано несколько слов выше. Эту коллекцию академик Шмидт описал следующим образом:

«Еще незадолго богатое сокровище приобретенных правительством восточных сочинений получило значительное приращение в купленном с соизволения его величества государя императора для Министерства народного просвещения прекрасном собрании китайских, манжурских, японских, монгольских, тибетских и других сочинений его превосходительства г-на барона Шиллинга фон Канштат. Следующее исчисление оных, составленное по росписи, сопровождающей сие собрание, может дать некоторое понятие о богатстве и тщательном выборе сей библиотеки.

Она состоит из 314 нумеров, содержащих вместе более 2600 томов (отчасти европейских, отчасти китайских) каждого формата и объема, со многими китайскими и японскими картами, планами и пр., и разделяется на следующие оди-

надцать разрядов:

 Сочинения по части восточного языкоучения, как-то: словари, грамматики и пр. По части истории и географии Классические, философические и нраво- 	68 н 42	умеров
учительные книги	25	"
4) Математические, астрономические и		"
астрологические	10	n
5) По части естественной истории и медици-		
ны	15	"
6) Исторические сочинения и романы	21	"
7) Разного содержания книги	29	77
8) Китайские сочинения европейских, как		
католических, так и протестантских мис-		
сионеров	23	"
9) Японские книги и карты	34	n
10) Монгольские и тибетские сочинения .	3 9	
11) Сочинения на индийском языке.	8	"» ⁴⁷ .

⁴⁷ И. Шмидт, Объявление о новоприобретенном на иждивении правительства собрании восточных сочинений, — «С[анк]-Петербургские ведомости», 1.VIII.1830, стр. 610.

Указанное собрание образовало первую коллекцию Шиллинга 48. Монгольские сочинения этого собрания составили IV коллекцию Собрания монгольских рукописей Азиатского

музея ⁴⁹.

Перечень книжных богатств, собранных Шиллингом за восемнадцатимесячное пребывание в Кяхте, содержал более шести тысяч наименований, из которых число тибетских и монгольских сочинений и трактатов достигало двух тысяч. Олна лишь транспортировка этой коллекции из Кяхты в Петербург обошлась ученому более 8 тыс. руб. 50. В это число помимо книг, собранных самим ученым в Восточной Сибири. вошли также книги, прибывшие из Пекина, которые Шиллинг заказал ранее через пристава Азиатского департамента подполковника Ладыженского, члена старого состава сменившейся миссии З. Ф. Леонтьевского и других соотечественников. Вместе с книгами, купленными у А. В. Игумнова, все эти богатства составили вторую коллекцию Шиллинга, которая после смерти ученого была передана Азиатскому музею 51.

Таким образом, трудно назвать какого-либо другого ориенталиста, через руки которого прошло бы столько письменных памятников восточной культуры, сколько их прошло через руки Шиллинга. После пребывания в Забайкалье он стал крупнейшим коллекционером и знатоком восточной книги 52 .

В результате параллельного притока восточной литературы сразу из многих источников у Шиллинга скопилось изряд-

т. IX, 1954, стр. 95.

⁴⁹ Азиатский музей Петербургской Академии наук был основан в 1818 г. В 1930 г. реорганизован в Институт востоковедения АН СССР, а с 1960 г.— в Институт народов Азии АН СССР.

50 Приведенные здесь цифры указаны самим Шиллингом во введении

к указателю Ганджура (стр. 329 «Бюллетеня»). Счета, фактуры и накладк указателю Ганджура (стр. 529 с боллегеня»). Счета, фактуры и наклады ные «на отправленные из Кяхты в С.-Петербург книли и музыкальные инструменты Шиллинга фон Каншталта» находятся в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР, ф. 56, д. 22.

51 В указанной выше статье Л. С. Пучковского утверждается, что

52 Подробные сведения о коллекциях П. Л. Шиллинга содержатся также в следующих источниках: «Каталог к книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азнатского департамента», СПб., 1844; В. Dorn, Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu

SPb., 1846.

⁴⁸ Л. С. Пучковский, Собрание монгольских рукописей и ксилографов Инститита востоковедения АН СССР, — «Ученые записки ИВ АН СССР»,

[«]свою вторую коллекцию П. Л. Шиллинг купил у А. В. Игумнова» (стр. 96). Эта ошибка вполне естественная, если учесть, что сведения о собирательской деятельности Шиллинга во время пребывания в Забай-калье оказались погребенными в архивах. В действительности же, как видим, библиотека, купленная у А. В. Игумнова, составила относительно небольшую часть второй коллекции Шиллинга.

ное количество дублетов. Будучи многие годы тесно связан с представителями французской науки и являясь членом-корреспондентом парижского Азиатского общества, Шиллинг решил передать библиотеке этого Общества (ныне Института) самостоятельную коллекцию, собрав ее из имевшихся у него дублетов. Л. Лигети, давший в 1930 г. очень подробное описание монгольских книг из этой коллекции, писал о ней следующее:

«В опубликованном Жаком Бако каталоге тибетских книг. принадлежащих библиотеке Французского института, барон Шиллинг фон Канштадт охарактеризован как ревностный коллекционер и знаток тибетских, монгольских, китайских и даже уйгурских книг и манускриптов. В дополнение следует особо отметить его роль в истории монголоведения. Ему принадлежит заслуга создания двух коллекций монгольских книг и манускриптов, значительных не своим объемом, а трудом. затраченным на их подбор, как, впрочем, это отмечено и г-ном Бако в отношении тибетских сочинений. Одна из этих коллекций размещена в Азиатском музее Петербургской Академии наук, другая — во Французском институте... Коллекция института почти аналогична коллекции Азиатского музея, судя по каталогу, составленному для последней в 1843 г., и состоит из тридцати четырех наименований на монгольском языке и шести двуязычных и многоязычных сочинений. В соответствии с общим указателем, составленным самим Шиллингом фон Канштадтом, коллекция содержит священные и догматические сочинения (3580-3587), сборники заклинаний (3588—3590), гимнов (3591—3593), благословлений (3594), религиозные трактаты (3595), книги о космологии (3596 - 3599), по истории (3600 - 3602), сборники легенд (3603—3605), учебники медицины (3606—3607), описарелигиозных обрядов (3608—3609), своды законов (3610 $\stackrel{-}{-}$ 3613). Қ этому добавлены словари (3572 $\stackrel{-}{-}$ 3575), а под № 3533 и 3543 числятся дублеты. В 40 номерах содержится 32 гравюры на дереве и 8 манускриптов» 53.

Далее Л. Лигети подвергает подробному анализу парижскую коллекцию монгольских сочинений из коллекции П. Л. Шиллинга, отзываясь с большим уважением о работах наших востоковедов и постоянно ссылаясь на них для под-

тверждения собственных соображений.

⁵³ L. Ligeti, La collection Mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut, — «T'oung Pao», vol. XXVII, Leige, 1930.

Невозможно получить правильное представление о Павле Львовиче Шиллинге как востоковеде вне связи со всеми его

другими многочисленными научными интересами.

Нынешнее состояние знаний с очевидностью открыло перед нашими современниками две важные тенденции в развитии научных дисциплин. С одной стороны, все более усиливается расчленение и специализация научных дисциплин. С другой стороны, на границах различных областей знания, нередко весьма отдаленных друг от друга по содержанию и характеру изучаемых объектов, возникают и развиваются новые научные дисциплины. Идеи и методы одной отрасли знания используются другой.

Хотя эти тенденции стали особенно отчетливо заметны лишь недавно, они, по-видимому, присущи развитию знаний на всех его ступенях. Во всяком случае они проявлялись уже в начале прошлого столетия — деятельность Шиллинга слу-

жит тому одним из наиболее ярких примеров.

Указанное обстоятельство было отмечено еще Б. С. Якоби, который видел причину успехов П. Л. Шиллинга именно во владении целым комплексом различных знаний. Якоби писал, что сама мысль об электрическом телеграфе «должна была с естественной необходимостью возникнуть одновременно в нескольких практических головах. Все прочее уже составляет, конечно, тяжкий труд развития мысли — как на этом поприще, так и вообще везде. В этом отношении Шиллинг имел перед другими то особенное преимущество, что по своему положению в государстве он был хорошо знаком с потребностями телеграфного дела. В течение всей своей жизни он ставил себе задачу идти навстречу этим потребностям, частьюпользуясь для сего всеми средствами, которые в данный момент предоставляло ему современное положение естественных наук, частью — направляя все свое выдающееся остроумие на то, чтобы измыслить и создать возможно простейший язык знаков для выражения понятий. В этом отношении ему служили богатым вспомогательным средством восточноазиатские языки, с которыми он имел возможность ознакомиться у самого источника. Таким образом, оба эти пути столь различного направления: естественные науки и изучение восточной письменности — находили у него в телеграфии свое общее сосредоточение. (Курсив наш. — A. Я.). В посмертном его наследстве имеются интересные и богатые материалы, свидетельствующие о его гениальности» 54.

Изобретение П. Л. Шиллингом «языка знаков», т. е. теле-

⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, д. 82.

графного кода, действительно явилось главной предпосылкой успешного разрешения целом всей задачи устройства В электромагнитного телеграфа. «Изобретение азбуки, — пишет известный инженер Γ . Гаррисон, — логически предшествует изобретению аппарата, ибо тем самым, что установлена азбука, главные черты аппарата в сущности уже даны» 55.

Большинство изобретателей электромагнитного телеграфа, включая Ампера, первым подавшего идею об его устройстве, было убеждено в целесообразности именно побуквенной передачи сообщений электрическими сигналами. Однако при этом они считали, что для передачи каждой буквы или цифры необходим отдельный провод, отдельный мультипликатор со стрелкой й отдельная клавиша. Заслуга Шиллинга прежде всего в том и состоит, что он первым понял необходимость разработать и применить специальную телеграфную азбуку для электромагнитного телеграфа и первым провозгласил код основой телеграфии.

В составленном им описании своего изобретения он с особой силой подчеркивал значение этой стороны дела следующими словами: «Применение разговора к телеграфическим знакам составляет отдельную и важную часть телеграфической науки. Все доселе мне известными сделавшиеся способы кажутся мне неудовлетворительны и не соответствуют требованиям, которых от них ожидать должно. Я нашел средство двумя знаками выразить все возможные речи и применить к сим двум знакам всякий телеграфический словарь или сигнальную книжку» 56.

Разработанные Шиллингом образцы двоичного кода явились основой для дальнейшего развития телеграфии, а затем

и ряда других важнейших отраслей техники.

Успешному решению рассматриваемой задачи способствовало не только то обстоятельство, что Шиллинг был лингвистом. Значительную роль сыграли также его обширные познания в области криптографии. Об этой стороне его деятельности один из современников Шиллинга сообщал, что «он сочинил для министерства такой тайный алфавит, то есть так называемый шифр, что даже австрийский, такой искусный тайный кабинет_и через полвека не успеет прочесть» 57.

Другой современник Шиллинга засвидетельствовал следующее: «Он изобрел разные, весьма остроумные и уважае-

⁵⁵ Г. Г. Гаррисон, Буквопечатающие телеграфные аппараты и меха-

низмы, М., 1927, стр. 10.

56 Архив АН СССР, ф. 802, оп. 1, д. 339, л. 96.

57 Ф. П. Фонтон, Воспоминания, т. II, Лейпциг, 1862, стр. 22.

мые по своей простоте и удобству, системы сигналов, а особенно криптографических и ключевых (циферных) письмен. В пример, мы упомянем токмо об удивительном способе, придуманном им для изображения тремя лишь флагами до 3000 различных знаков, способе, изумившем своею простотой и непроницаемостью многочисленных знатоков, собравшихся на опытах, произведенных им в Вене в 1836 году» 58.

Шиллинг был также пионером использования тайнописи при телеграфировании. «Я изобрел для сего же предмета особую цифирь, — писал ученый, — которую искуснейший разбирать не в состоянии будет открыть, хотя бы ему сообщено было буквальное содержание депеши и самый телеграфиче-

ский словарь» ⁵⁹.

Э. Х. Ленц также отмечал решающее значение работ Шиллинга над кодом. Ему пришлось быть очевидцем одной из демонстраций изобретателя, во время которой была успешно передана телеграмма, написанная китайскими письменами при помощи специально разработанного Шиллингом для этой цели кода 60. Следует отметить, что этот код оказался единственно возможным для китайской письменности и его впоследствии пытались внедрить американские миссионеры 61. Телеграфный код, разработанный П. Л. Шиллингом для передачи китайских иероглифов, состоял всего лишь из 16 комбинаций. 8 комбинаций предназначались для обозначения элементов иероглифа, шесть — для обозначения относительного расположения каждого из элементов иероглифа (выше, ниже, внутри, снаружи, левее, правее) и 2 — в качестве знаков раздела между иероглифами.

59 Архив АН СССР, ф. 802, оп. 1, д. 339, л. 96. Интересно отметить, что после смерти изобретателя в его личном архиве было обнаружено 32 папки с подробными материалами о различных системах шифров, применявшихся в семафорных телеграфах. Эти материалы были переданы для изучения Б. С. Якоби (ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 1, д. 589, лл. 4—6). 60 Э. Х. Ленц, Речь «О практическом применении гальванизма»,

⁶¹ W. A. Macy, Remarks on the mode of applying the electric telegraph in connection with Chinese language,—«Journal of the American oriental society» New York, vol. 3, 1852, № 1. Характерно, что идеи Шиллинга в области телеграфии проникли в первую очередь в среду американских миссионеров-китае-

ведов.

 $^{^{58}}$ К. Чевкин, *Павел Львович Шиллинг*, — «Северная пчела», 27.1X:1838, стр. 867, 868.

⁶⁰ Э. Х. Ленц, Речь «О практическом применении гальванизма», произнесенная в открытом заседании Петербургского университета 31 марта 1839 г., СПб., 1839. В этой речи сказано следующее: «Может быть, многие из вас, подобно мне, были свидетелями, с какой поразительной скоростью с помощью некоторых близких ему и специально обученных им лиц он мог передавать по проволоке длиною во много верст любую фразу на любом языке (я был свидетелем китайской депеши) и получать через несколько минут ответ».

Использование идей и методов одной области науки и техники в другой не ограничивалось у П. Л. Шиллинга указанным выше, а характерно вообще для всего его творчества.

Деятельность Шиллинга в качестве руководителя первой в России первоклассной литографии изучена весьма мало. Нет сомнения, что творческий ум Павла Львовича и здесь

вызвал к жизни значительные усовершенствования.
Имеется свидетельство, что Шиллинг «вздумал воспроизводить китайские письмена посредством литографии не простым рисованием их на камне, а произведением выпуклых букв, которые потом отпечатывались на обыкновенных типографских станках. Для этого вытравлял он поверхность камня, оставляя только именно то, что покрыто начертанием письмен. Никто во всей Европе не мог догадаться, как это делается. Клапрот, Монтугли и другие знатоки китайской письменности дивились чистоте и верности этих оттисков, но не верили, чтобы они были напечатаны вне Китая» 62.

Здесь несомненно речь идет о напечатании литографским способом целого ряда восточных произведений, в первую очередь знаменитой книги Н. Я. Бичурина под названием «Сан-цзы-цзин», которую он издал в 1829 г. с помощью Шиллинга. Аннотация, помещенная Н. Я. Бичуриным перед текстом книги, выразительно характеризует не только достижения П. Л. Шиллинга в литографии, но и непосредственную роль, которую она сыграла в русском китаеведении благодаря Шиллингу. Приводим эту аннотацию дословно: «В сей книжке изложены все философические умствования китайцев с изъяснением понятий и выражений, странных для европейца: почему может она служить у нас руководством к чтению переводов с китайского языка. Вот цель ея издания!

Что касается до китайского текста, буквы вылитографированы столь чисто, столь правильно, что нимало не уступают стереотипу пекинской Дворцовой типографии. Сим мы одолжены изобретательному уму Е. П. Барона Павла Львовича Шиллинга фон Канштата».

Приведенный факт не являлся единичным случаем подобного рода. В дальнейшем Шиллинг систематически использовал возможности литографии для воспроизведения всевозможных восточных текстов.

Б. С. Якоби понял и сумел оценить указанную особенность многогранной деятельности Шиллинга, которая оказала также глубокое влияние на формирование последующих поколений русских ученых и изобретателей.

⁶² Н. Греч, Бар. П. Л. Шиллинг, — «Северная пчела», 1853, № 142.

Якоби писал брату по поводу смерти Шиллинга: «...это для меня незаменимая потеря, которую я с трудом перенесу» 63. В письме к непременному секретарю Петербургской Академии наук П. Н. Фуссу он писал: «Известие о смерти Шиллинга меня совершенно потрясло; за время нашего короткого знакомства я искренне полюбил его и, несомненно, я буду очень болезненно ощущать его отсутствие по возвращении моем в Петербург. В нем были... бесконечное добродушие, прекрасная голова, практический такт и он унес в могилу большие знания, чем это можно предположить с первого взгляда...» 64.

64 Там же, оп. 1, д. 74, л. 16.

⁶³ Архив АН СССР, ф. 187, оп. 2, д. 611, л. 9.